

Эдуард ЛАСКЕР

ШАХМАТНЫЕ СЕКРЕТЫ

Чему я научился у мастеров

Издатель «Андрей Ельков»
Москва 2014

Ласкер Эдуард

ШАХМАТНЫЕ СЕКРЕТЫ. Чему я научился у мастеров.

Москва, 2014, 256 с.

Автор книги – известный американский гроссмейстер, один из лучших шахматных литераторов первой половины XX века. Участник знаменитого супертурнира в Нью-Йорке 1924 года, где он прославился в качестве соавтора уникального эндшпиля ладьи и пешка против коня в партии со своим однофамильцем и чемпионом мира Эмануилом Ласкером. Одного этого поединка и красивейшей победы над Джорджем Томасом уже было бы достаточно, чтобы попасть в «Зал славы» шахматного искусства. Человек неординарный, проживший долгую и насыщенную жизнь, Эдуард Ласкер щедро делится воспоминаниями о своем творческом пути и о великих современниках – Пильсбери, Ласкере, Алехине, Капабланке, Яновском, Маршалле, Решевском и многих других, с которыми он был дружен и не раз встречался за доской. Эта книга – не только прощальный салют ушедшей эпохе, но и блестящий учебник шахматной стратегии и тактики: на примерах из своих, и не только, партий автор откровенно рассказывает о том, чему и как он учился у прославленных маэстро своего времени!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Игорь Зайцев.</i> НА ЗАРЕ ШАХМАТНОЙ ЭПОХИ	5
Предисловие автора	13
Введение.....	15
ШАХМАТЫ МОЕГО ДЕТСТВА	20
ВСТРЕЧИ С МАСТЕРАМИ	26
Шахматная жизнь в Берлине	26
Первый турнирный опыт	36
Первый «Гаупттурнир»	42
Чемпионат Берлина	49
Встречи с гроссмейстерами	60
Гаупттурнир в Гамбурге	72
Больше игры с гроссмейстерами	81
ШАХМАТНАЯ СЦЕНА АНГЛИИ	99
Прелюдия во Франции	99
Встречи с лидерами британских шахмат.....	101
Мой первый международный мастерский турнир.....	108
Чемпионат Лондона.....	126
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В НОВОМ СВЕТЕ	132
Пришпоривая американского конька.....	132
Сэмми, шахматный вундеркинд	144
Нью-йоркский турнир мастеров 1922 года.....	151
Матч за звание чемпиона США.....	157
Нью-йоркский турнир 1924 года.....	179
Шахматные поездки	207
Последние десять лет	222
ШАХМАТНАЯ ЖИЗНЬ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ	248
ПОСТСКРИПТУМ	254
Указатель партий и фрагментов	255

ВСТРЕЧИ С МАСТЕРАМИ

ШАХМАТНАЯ ЖИЗНЬ В БЕРЛИНЕ

Я успешно сдал экзамены и, наконец-то, освободился от опеки. Как уже упоминалось раньше, я отправился в Берлин, чтобы учиться на инженера и также иметь все возможности общаться и, возможно, даже играть, со знаменитыми мастерами, часто посещавшими столичные кафе.

В немецких университетах идея академической свободы воспринималась чересчур буквально. Жизнь студента полностью зависела от него самого. Никто не следил за посещением им занятий, никого не заботила его мораль, и никто не интересовался его взглядами на социальные и этические вопросы. Предполагалось, что он самостоятельно справится с искушениями и обретет знания, необходимые для успешной сдачи экзаменов. Эти экзамены проводились только в конце четвертого и восьмого семестров. Если студент показывал, что знает предмет, то экзамен у него принимали вне зависимости от того, посещал он занятия или нет.

Вероятно, никто более меня не радовался этому возвышенному принципу академической свободы; понятно, что настоящей причиной моей радости была возможность посвящать шахматам сколько угодно времени.

Едва найдя себе жилище, я устремился в кафе «Кайзерхоф» – знаменитое место встречи шахматистов. Я испытывал некое благоговейное чувство от рядового для этого кафе события, каковое случалось здесь каждый день – собрания многих известных мастеров, чьи партии заполняли изучаемые мною шахматные книги.

Самыми заметными среди всех были Рихард Тейхман и Курт фон Барделебен, – частично из-за впечатляющей формы их голов – своей у каждого, но главным образом из-за скромности и умения себя вести, что выделяло их в любой компании.

Тейхман был слеп на один глаз, который прикрывала черная повязка. У него было замечательное лицо, крупность коего подчеркивалось окладистой рыжеватой бородой и высоким лбом. Его можно было сравнить с Вотаном (*верховный бог в германской мифологии*), идущим впереди компании второстепенных богов.

Он получил хорошее образование и много лет прожил в Англии. Любовь к литературе подвигла его к глубокому изучению английского языка, которым в итоге овладел в совершенстве. Тейхман имел привычку обдумывать ходы во время шахматной партии в компании со сборником

английских народных песен, неслышно их напевал, но переходил в неожиданное триумфальное крещендо, когда ставил мат.

Шахматы служили ему оправданием «ничего неделания» в том, что касалось зарабатывания регулярных денег, и он разделил печальный удел многих шахматных мастеров своего времени – зависимость от нескольких долларов, зарабатываемых игрой на ставку по четвертаку за партию с постоянными посетителями кафе или его случайными гостями.

Тейхман очень любил шахматы и часто отказывался от сулившей деньги возможности сыграть партию с богатым завсегдатаем в пользу глубокого анализа нового дебютного варианта, предложенного другим мастером или даже студентом, вроде меня.

Он был первым, кто показал мне «изнутри» фундаментальную разницу между мастерскими шахматами и шахматами даже сильных любителей. Мастер спрашивает себя на каждом ходу, делает ли он нечто, что усиливает его боевую мощь, то есть мобильность его фигур? Средний игрок не понимает важности долговременного эффекта каждого хода и теряет себя в комбинациях, составляемых из ходов, которые часто имеют лишь преходящую ценность.

Очень скоро я понял, что в моем родном городе я играл не в настоящие шахматы – и уж точно, не в те, что представляют интерес для маэстро. В уважительной тишине я прислушивался к замечаниями Тейхмана, которые он делал при анализе партий из турниров, освещавшихся в ежедневной прессе. К моему изумлению, он никогда не принимал ход на веру просто потому, что его рекомендовала библия всех шахматистов-любителей – «Теория шахматных дебютов» Дюффрени. Единственный аргумент, принимавшийся в расчет Тейхманом, заключался в том, усиливал ли ход позицию фигуры, или нет, и способствовал ли он быстрейшему развертыванию сил. Такой подход был для меня в новинку. Единственная причина, по которой я разыгрывал так или иначе тот или иной вариант, была в том, что я видел его в дебютной компиляции Дюффрени.

То, что говорил Тейхман, открывало мне глаза! И какое это было облегчение! Как часто я пытался методично запомнить все дебютные варианты, перечисленные у Дюффрени, а затем приходил в отчаяние от невыполнимости задачи! Я считал само собой разумеющимся, что каждый мастер знает их наизусть. А теперь начал понимать, что все эти варианты являлись всего лишь записью партий мастеров, и ходы там делались по тем же соображениям, которые рассматривал с нами Тейхман!

На всё в шахматах я стал смотреть под другим углом зрения. Я начал критически подходить к «книжным» дебютам, пытаясь установить для себя, хорошие они или плохие, ничего не принимая на веру.

Но путь этот оказался непростым. Легко задаться вопросом – «Этот ход усиливает позицию фигуры?» Но как я мог установить, благоприят-

ная позиция у фигуры или нет, и что выбрать, если два или три хода казались хорошими?

Я понял, что мне нужен опыт, и, прежде всего, практика игры с более сильными шахматистами для уяснения туманной идеи, мною овладевшей – будто можно сформулировать общие принципы, которые позволят измерить ценность хода; что эта величина поддается измерению, как некий род потенциальной энергии, которой одаряется фигура; что максимальная потенциальная энергия передается фигуре в том случае, когда она помещается на поле, с которого ей доступно максимальное количество полей; и что сила позиции выражается общим количеством потенциальной энергии, заключенной во всех фигурах.

В Берлине было так много шахматных клубов и шахматных кафе, что поиск практики труда составить не мог. Я включился одновременно в чемпионаты Берлинского шахматного общества и шахматного клуба Университета, а кроме того каждый день посещал кафе «Кайзерхоф». В результате этой деятельности на посещение учебных занятий у меня остались только утренние часы. И довольно часто эти часы подвергались сокращению – нужно было поспать, поскольку шахматные посиделки нередко заканчивались уже на рассвете.

Одним мастером, на чье присутствие в кафе «Бауэр» я в любой вечер мог рассчитывать, был Курт фон Барделебен, человек весьма беззаботный 50-ти с лишним лет. Если у него появлялись деньги, то определить это можно было просто – на столе тогда стояла бутылка Бордо, вино из которой он лениво потягивал с видом знатока.

Он всегда носил черный, весьма поношенный костюм. Очевидно, ему не удавалось набрать достаточно денег на покупку новой одежды, хотя, как я со временем узнал, через регулярные временные интервалы он получал относительно немалые деньги – от одной до нескольких тысяч марок – за простую «услугу», состоявшую в женитьбе и быстром последующем разводе с леди, которые желали носить его благородное имя и готовы были за это заплатить. К несчастью, когда он получал вознаграждение, накопившиеся со времени последнего развода долги его уже превышали. Злые языки утверждали, что количество женщин, вовлеченных в эти брачные игры, росло столь стремительно, что из них можно было бы составить вполне приличный гарем султана.

Фон Барделебен имел такое необычное лицо, что привлекал к себе все взгляды, где бы ни появлялся. Левая половина его лба выдавалась вперед и вверх, словно того требовало левое полушарие мозга. Еще только у одного человека я видел такой лоб – его звали Артур Брисбейн.

Борода ван Дейка и постоянная, слегка ироничная улыбка придавали его лицу мефистофельское выражение; но достаточно было обменяться с ним всего несколькими словами, чтобы это впечатление улетучилось. Он

Курт фон Барделебен

был хорошо воспитан и обходителен настолько, что в голову приходила мысль – этот человек абсолютно не способен ни на какую агрессию. Он не мог даже побороть свой собственный «декаданс».

Хотя эти качества, вкупе с остроумием литературного свойства и хорошим пониманием человеческой природы, делали его прекрасным собеседником, они отнюдь не способствовали его успехам в качестве профессионального шахматного мастера. Для Барделебена эта стезя осталась един-

ственной жизненной альтернативой после того, как аристократическое семейство выбросило его из своего круга в связи со слишком «неприжуденными» отношениями последнего с кредиторами.

В отдельных партиях фон Барделебен мог быть опасен для величайших мастеров, но ему не хватало упорства для выигрыша в длительном соревновании. В 1907–1911 годах состоялось множество крупных международных турниров. Фон Барделебена приглашали принять участие почти во всех, но в призерах его не видели. По возвращении в Берлин он показывал все те партии, в которых мог выиграть, но не выиграл, и критиковал свои ходы всё более строго по мере того, как пустела его бутылка Бордо.

Из этих бесед я вынес много полезного для себя и храню самые теплые воспоминания о странном человеке, чей ироничный взгляд на жизнь не давал жизненным невзгодам одерживать над ним верх. И каким бы потрепанным он ни выглядел в конце жизни, ему удавалось сохранять ту легкую грацию в беседах, что всегда его отличала и которая убеждала тех, кто с ним общался, что он либо не сознавал бедственности своего финансового положения, либо был выше того, чтобы тратить время на мысли о грустном, когда рядом имелась возможность погрузиться в волшебный мир отвлеченных понятий.

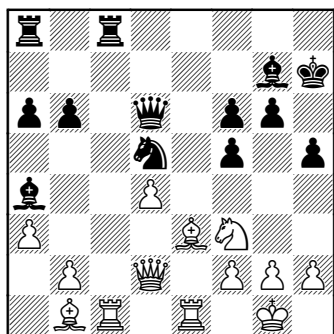
Это полное безразличие к платью знакомо всем тем, кто обладал привилегией близкого знакомства с большими художниками или учеными. Пренебрежительное отношение к повседневным ценностям является одним из нескольких качеств, разделяемых ими с аристократами, если при употреблении термина мы вспомним смысл, вкладывавшийся в него еще древними греками.

Среди других «абсолютно выигранных», но в итоге проигранных партий, которые Барделебен мне показал в деталях, мне вспоминается

одна, имевшая забавное продолжение. Речь идет о партии, игранный им в последнем туре венского турнира (1908) против чеха Дураса, одного из сильнейших игроков нынешнего поколения, который – странно сказать – практически неизвестен молодым американским шахматистам.

Дурас, Мароци и Шлехтер разделили первый приз в этом турнире. Четвертым стал Рубинштейн, Тейхман занял пятое место. Далее были Шпильман, Перлис и Тартаковер. Маршалл разделил девятое, десятое и одиннадцатое места с Леонгардтом и Мизесом. Рети, ставшего впоследствии одним из сильнейших мировых маэстро, включили в турнир в последнюю минуту вместо отказавшегося Яновского. Для него турнир стал первым международным соревнованием, и он не сумел одержать ни одной победы, набрав только лишь 1,5 очка из 19 возможных. Этот факт позволяет судить о силе турнира.

О.ДУРАС – К. фон БАРДЕЛЕБЕН Вена, 1908

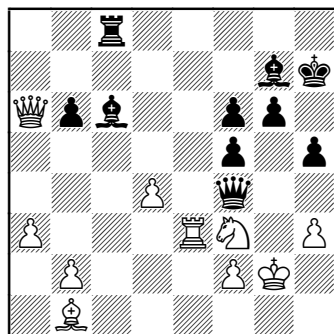
В этом положении после 30-го хода черных партия была отложена. Дурас записал ход **31. ♖d3**, на что Барделебен ответил **31... ♘e3**. Теперь Дурас предпринимает комбинацию, на анализ (вместо отдыха) которой он, вероятно, истратил всё время перерыва. Утомление при доигрывании сказало, и чех пропустил элегантный контрудар противника.

32. ♜c8 ♝c8 33. ♞a6 ♘g2. Блестящий замысел. Если белые

берут ладью, то черные играют **34... ♞f4!!**, что ведет к продолжению в партии.

34. ♙g2 ♞f4! Белые не могут брать ладью на c8 ввиду **35... ♞g4+** **36. ♙h1 ♞:f3+** **37. ♙g1 ♘c6** **38. ♙f1 ♞h1+** **39. ♙e2 ♘b5+** **40. ♙d2 ♘h6+**, и у черных лишняя фигура.

35. h3 ♘c6 36. ♜e3.

С этого момента Барделебен, вероятно, от усталости, абсолютно теряет нить игры. Он делает несколько слабых ходов, увенчиваемых грубой ошибкой.

Правильно было **36... ♜e8**, угрожая забрать ладью с последующим взятием на f3 с шахом. Белым пришлось бы защититься путем **37. ♞e2**, но на это сильно **37... ♘e4**, подготавливая пешечный накат. После **38. ♘e4 fe** **39. ♘e1 f5** **40. ♘c2 ♞d6** белым долго не поддерживать.

36... ♜b8? **37. ♞c4 ♘a8?** Последняя возможность удержать инициативу для Барделебена заключалась в **37... ♜c8**, и белых не спасает **38. ♞e2** ввиду **38... ♞g5+** **39. ♙f1 ♘:f3** **40. ♞:f3 ♜c1+** **41. ♜e1**

♜:e1+ **42. ♙:e1 ♞g1+**, и черные выигрывают фигуру.

38. ♞f7. Предупреждая **38... ♜e8** и лелея туманные угрозы на тот случай, если черные будут недостаточно внимательны. Последним же нужно было форсировать ничью: **38... ♞g5+** **39. ♙h2 ♞f4+**, и т.д. Учитывая утомление, так и следовало поступить.

38... ♜d8 39. ♘a2 ♜:d4?? Ужасная ошибка, ведущая к немедленному коллапсу.

40. ♞g8+ ♙h6 41. ♞:a8. Черные сдались.

Когда Барделебен показывал мне эту концовку, я впервые увидел его рассерженным. Он обрушил свой стакан с вином на стол без обычной сдержанности и с глазами, слегка затуманенными выпитым, произнес: «Клянусь, я прибую этого малого в Праге в следующем месяце».

Естественно, я не принял его слова всерьез, ведь Дурас рассматривался многими в качестве будущего чемпиона мира; ожидалось, что он станет победителем намечавшегося турнира, хотя состав его предполагался даже более сильным, чем венского.

После суровой месячной борьбы двадцати соискателей призов первым вышел именно Дурас в дележе со Шлехтером. И чех стал бы впереди Шлехтера, но... Барделебен исполнил клятву и обыграл «этого малого»! И эта партия оказалась единственной победой Барделебена во всем турнире!

Третьим пришел Видмар. Далее были Рубинштейн, еще один претендент на титул чемпиона мира, Тейхман, Мароци; 7–9-е места разделили Леонгардт, Маршалл и Сальве, Яновский и Дуз-Хотимирский замкнули ряды тех, кто оказался в призах. Среди пер-

Одржих Дурас

вых десяти никто не опередил ближайшего преследователя более чем на пол-очка.

Разочарованием для немецких любителей шахмат стало неудачное выступление Жака Мизеса. Его равно разочаровывающий результат в предшествующем венском турнире объясняли нерасположением к игре, принимая во внимание блестящее выступление маэстро в венском турнире 1907 года, в котором он обогнал Дураса на целое очко; за ним следовали Мароци, Тартаковер и Видмар, разделившие 3–5-е места, Шлехтер – 6-й, и еще далее Шпильман.

Факт заключается в том, что Мизес уже никогда не вышел на уровень своего успеха 1907 года. Его внимание всегда разделялось между его турнирными партиями и статьями и заметками, рассылаемыми им по телеграфу в различные газеты, где он состоял редактором шахматных колонок. Литературная работа приносила ему больше денег, чем труды за шахматной доской, и он имел достаточно мудрости, чтобы не полагаться целиком на такой ненадежный источник, как турнирные призы. Среди всех шахматных профессионалов того времени, проживавших в Берлине, он был

единственным, кто имел более или менее надежный финансовый базис. Он всегда был хорошо и модно одет, словно преуспевающий бизнесмен, что сильно отличало его от большинства вечно озабоченных коллег по цеху, которых с портняжной точки зрения следовало отнести к классическому типу «бедных художников». Но с другой стороны, эти последние были заметно более колоритными личностями.

Другими мастерами, которых, подобно Тейхману, фон Барделебену и Мизесу, обычно можно было найти в одном из берлинских шахматных кафе, были Горацио Каро – один из авторов защиты Каро-Канн, д-р Бертольд Ласкер, брат чемпиона мира, и Пауль Саладин Леонгардт. С последними двумя я трудился несколько месяцев над анализом одного варианта Дебюта четырех коней, в котором черные копируют ходы белых настолько далеко, насколько это возможно, и после некоторых отклонений, вызванных шахом или другой угрозой,

Жак Мизес

на которую нужно реагировать немедленно, вновь возвращаются к полной симметрии.

Мы понимали, что рано или поздно у черных возникнут трудности, поскольку симметрия означает, что белые сохраняют инициативу, данную им правом выступки; и во многих вариантах мы показали истинность этого теоретического воззрения, но тем не менее, мы обнаружили, что у белых масса возможностей пойти неправильным путем, стремясь получить атаку, и нам удалось успешно применить разработки во многих легких партиях.

В то время, как мы были погружены в наш анализ, Эмануил Ласкер вернулся в Германию из Америки, и встреча с ним стала одним из знаковых событий в моей жизни. Бросающееся отличие его от других мастеров заключалось в том, что он очень мало времени проводил за шахматной доской – только лишь, если к тому его принуждали профессиональные обстоятельства, как то написание статьи или разгар матчевой борьбы. Казалось, он постоянно был занят математическими или философскими проблемами. Когда он узнал, что брат известного философа Эрнста Кассирера был женат на моей кузине, то не успокоился до тех пор, пока я не устроил ему с Кассирером встречу. Ласкер изложил ему некоторые из своих идей относительно проблем познания, на фундаменте которых он собирался писать книгу. За первой встречей последовала серия долгих совместных прогулок (в них принимал участие и я), во время которых Ласкер объяснял свой необычный математический подход к концепции свободы воли и автоматизма. Подбодренный Кассирером, которого впечатлили оригинальные идеи Ласкера, последний продолжал разработку своих идей с большим усердием и энергией в течение пяти лет, прерывая работу только на короткие периоды матчей на первенство мира с Таррашем и Шлехтером. В 1913 году книга появилась под амбициозным названием *Das Begreifen Der Welt* («Понимание вселенной»). Я видел, как волосы Ласкера седали в буквальном смысле, пока он работал над книгой. Ему никогда не приходило в голову, что решение проблемы случайности и свободы воли, которую не могли решить философы на протяжении двух тысячелетий, могло быть просто неподвластно человеческому разуму, и он упорствовал в своем стремлении, пока ему не показалось, что он математически доказал, – воля свободна.

Простая попытка описать в общих чертах содержание 500-страничного труда Ласкера вывела бы меня далеко за границы того наброска, с помощью которого я хочу дать вам представление о масштабе этой личности. Упомяну только одну из его оригинальных мыслей, проводимую им в этой замечательной книге. Эта мысль представляет особый интерес

не только для шахматиста, но и для ученого. Речь идет о концепции, которую Ласкер назвал *Macheïde* – идеальное существо, так далеко продвинувшееся по лестнице биологического развития, что оно почти достигло статуса автомата.

Термин *Macheïde* происходит от греческого μάχη, что значит сражение. *Macheïde* является «сыном сражения», существом, чьи чувства или умственные способности настолько обострились за миллионы лет борьбы в сражении под названием жизнь, что оно всегда выбирает сильнейшее решение, самый эффективный метод продолжения себя. На шахматной доске *Macheïde* будет всегда делать лучший ход с тем достойным сожаления результатом, что игра перестанет существовать после того, как два *Macheïde* сыграют между собой свой первый матч. Лучшие ходы за белых и черных станут общим достоянием раз и навсегда, и проблема исчезнет, для разума не останется вызова.

Концепция *Macheïde* отнюдь не является надуманной. В шахматах игрок даже средней силы выбирает ходы в каждой позиции из ограниченного их множества, так как в своих решениях опирается на концепцию полезности ходов. У мастеров этот круг еще более сужается, и по мере увеличения объема знаний тенденция лишь усиливается.

Не выходя за рамки логики, можно прийти к выводу, что данный процесс уходит в бесконечность и существо, идущее по этому пути, в конечном счете лишится права выбора. Оно будет принуждено поступать так, как диктует ему ход вещей, поскольку исходит из постулата о максимальной полезности, как непереносимом условии достижения цели. *Macheïde* представляет собой предел этой бесконечной серии усовершенствований, или порог между жизнью и автоматизмом.

Эрнст Кассирер, обсуждая со мной ласкеровскую книгу, дал комментарий к его подходу к философским проблемам, который будет интересен шахматистам, знакомым с партиями Ласкера. Он сказал, что Ласкер высказал некоторые интересные мысли по данной теме, но его отличает наивная манера смешивания хорошо известных идей с новыми, не делая между ними никакого различия, что очевидно является следствием полного незнания с философской литературой. Ласкер мыслит оригинально «с нуля», не зная, как много из того, что он находит, уже давно открыто другими.

Ласкер не знал и шахматную литературу. Он не считал, что ему стоит тратить время на чтение шахматных книг, полагая, что глубокое понимание общих принципов является лучшим помощником в борьбе на шахматной доске. Этой его позиции шахматный мир обязан многими оригинальными открытиями Ласкера в дебюте. Но иногда он и страдал от такого отношения к игре, особенно в зрелые годы, поскольку научный анализ дебютов шел вперед семимильными шагами и знание последних

разработок временами давало противникам такое серьезное преимущество, что с ним уже невозможно было справиться.

Отдохновением от упорных трудов на ниве философии для Ласкера служила игра Го, которую я ему показал сразу после нашей первой встречи. И опять он не хотел узнавать того, что до него открыли в теории этой игры. Он хотел всё уяснить самостоятельно, уверенный в том, что его общее понимание категорий стратегии и тактики поможет ему продвигаться быстрее, чем чьи-либо советы или книги.

Он предложил мне сыграть с ним несколько партий, какими бы нелепыми мне ни казались его первые попытки. Он хотел «почувствовать» позиции в Го, попадаясь в элементарные ловушки и допуская все обычные для новичка элементарные ошибки, и только лишь потом сформировать собственное мнение о лучшем способе повышения мастерства. Он очень быстро продвигался и через несколько месяцев практически меня догнал.

На наши сессии по Го, которые происходили практически каждую неделю у него на дому, я иногда приходил чуть раньше условленного часа, чтобы показать ему какую-нибудь свою проигранную партию в шахматы для критического разбора. К решению любой проблемы, и шахматы не были исключением, он подходил с математической точки зрения. Помню, он сказал мне в начале знакомства: «Помните, что на шахматной доске 64 клетки, и чтобы добиться преимущества нужно взять под контроль более половины из них». Он мне сказал, что принцип контролирования как можно большего числа полей был определяющим в его стратегии на всех стадиях шахматной партии. Для иллюстрации этого соображения он предложил рассмотреть расположение коня и слона в миттельшпиле и эндшпиле. Вот его слова: «В большинстве случаев лучше, вероятно, располагать коня и слона на полях одного цвета, поскольку в этом случае они контролируют поля разного цвета». Хотя это и другие из многих его соображений носили очень общий характер и потому имели массу исключений, вызываемых требованиями конкретных позиций, я много выгадал из сознательных попыток применения совета Ласкера в каждой из иггранных мною партий. Также я посчитал полезным после каждого поражения поверять свою игру принципами, которым он учил меня следовать.

Понятно, что по причине ограниченного опыта игры в серьезные шахматы против сильных игроков, я себя крайне неуютно чувствовал в дебютах и ошибался не только при оценке качеств того или иного хода, но и при выборе полей для расстановки фигур, лучшей для конкретного пешечного скелета. Следующая партия из чемпионата берлинского шахматного общества – отличный тому пример.

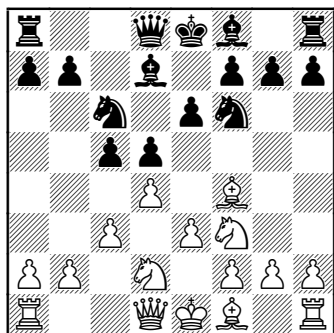
ПЕРВЫЙ ТУРНИРНЫЙ ОПЫТ

Дебют ферзевых пешек

Горацио КАРО – Эд. ЛАСКЕР

1. ♘f3 d5 2. d4 ♘f6 3. ♙f4 c5 4. e3 e6 5. c3 ♘c6. Я развиваю фигуры слишком механически. Логичнее 5... ♗b6, ибо своим третьим ходом белые оставили пешку «b» без защиты. Если они ее защитят путем 6. ♗c2, что самое вероятное, то естественное развитие ладьи черных на c8 вынудит рано или поздно ферзя белых искать для себя другое поле, а значит черные выгадывали темп в сравнении с продолжением, случившимся в партии.

6. ♘bd2 ♙d7.

Очевидно, что я не знаю, как играть в этой системе, названной по имени бельгийца Колле, применявшего ее постоянно и с успехом. Понятно, – я сыграл слоном на d7 с целью поставить ладью на c8. Но поскольку вертикаль «с» пока заблокирована, можно было не торопиться с определением судьбы фигур ферзевого фланга. Если бы пешка белых стояла на c4, а не на c3,

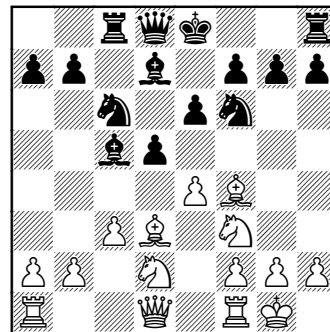
то в последнем ходе черных имелся бы некоторый смысл. Логичнее было развить королевского слона и рокировать, оставляя возможность развить ферзевого слона на b7.

Чернопольного слона можно было поставить на e7 или d6, или же можно было сначала разменяться на d4, и только затем вывести слона.

7. ♙d3 ♙e7 8. 0-0 ♗c8. Снова механический развивающий ход, показывающий, что тонкости дебютной стратегии оставались для меня тайной за семью печатями. Правильно было 8... cd, поскольку после 9. ed центральная пешка черных не может подвергнуться той атаке, что случилась в партии. Пока пешка черных остается на d5, ферзевый конь белых не может активно вступить в борьбу через поле e4. Кроме того, пешка «с» белых может стать целью атакующих операций в случае, когда продвижение ее на c4 не облегчено исчезновением центральной пешки черных. После 8... cd 9. ed черные могут продолжать, например, 9... ♘a5 и затем ... ♗c8*.

9. dc ♙:c5 10. e4.

* В наши дни оснащенный компьютером читателю многие из этих и последующих рассуждений могут показаться достаточно наивными, но мы сознательно оставляем в неприкосновенности авторские рассуждения, чтобы показать, через какие этапы развития прошла шахматная мысль, прежде чем достигнуть современных высот. – Прим. ред.

После этого продвижения у белых появляются неприятные угрозы. Если я возьму пешку, то потеряю не только центральную пешку, а с ней и возможность развить давление на белую пешку «с», но я также буду принужден согласиться на размен своего королевского коня, в то время как сам королевский фланг становится уязвим для атак на него со стороны белых.

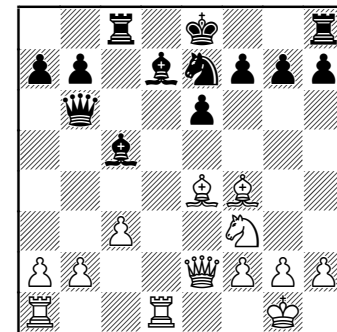
Если пешку не брать, а рокировать, то белые могут продвинуть пешку «е», отбрасывая коня, защищающего пешку «h», или разменяться на d5. Этот размен даст им огромный позиционный перевес, так как если я в ответ возьму пешкой, то останусь с изолированной пешкой, которая, будучи застопорена ходом ♘b3, легко может стать объектом атаки со стороны ладей по открытой вертикали «d», в то время как у меня не будет и намек на контригру. С другой стороны, в случае 10... 0-0 11. ed ♘:d5 12. ♙g3 белые опять-таки реализуют свой план по уничтожению моей центральной пешки, а поле e4 становится доступным их ферзевому коню.

Возможно, угроза 11. e5 с последующим ♙:h7+ не так опасна, как кажется. Похоже, я мог отразить нападение следующим образом: 11... ♘h5 12. ♙:h7+ ♖:h7 13. ♘g5+ ♖g6 14. ♗g4 f5* 15. ef ♘:f6 16. ♗g3 ♘h5 17. ♗d3+ ♗f5 или даже 17... ♙f6, и белые ничего не достигли.

10... de 11. ♘:e4 ♘:e4 12. ♙:e4 ♗b6. Я побоялся рокировать, – столько белых фигур нацелены на королевский фланг!, и решил перебросить на него коня для защиты. Ходом ферзя я защищаю пешку «b», чтобы конь мог двигаться. Но задержка с рокировкой оказалась более опасной, чем я рассчитывал.

13. ♗e2 ♘e7. Упуская последнюю возможность рокировать. Самое естественное развитие фигур позволило белым создать давление по вертикали «d», которое мне уже не выдержать.

14. ♗fd1!

Грозит 15. b4 с выигрышем фигуры. Простейшая защита состоит в 14... ♘g6, освобождая слону до-

* Мгновенно отражает атаку 14... ♘:e5 15. ♙:e5 ♗:g5. – Прим. ред.

рогу для отступления и атакая на слона белых. Но после 15.♔:g6 hg 16.♘e5 ♕c6 17.b4 ♕e7 18.♘:g6! белые выигрывают, по меньшей мере, пешку (18...fg? 19.♖:e6! ♗c7 20.b5! или 19...♗d8 20.♕g5), и, поскольку рокировка невозможна, а значит и ладья выключается из игры, то выигрыш белых труда не составит.

Поэтому я продолжил:

14...♕b5 15.♖d2 ♘g6 16.a4*
♘:f4. Относительно лучше 16...
♕c6, хотя тогда 17.♕:c6+! ♖:c6 18.
♘e5! ♘:e5 19. ♕:e5 0-0 20.♕:g7!!,
и крайне сомнительно, что король
сумеет пережить вскрытие вер-
тикали «g», например: 20...♖:g7
21.♖g5+ ♗h8 22. ♖f6+ ♗g8 23.
♗d3 ♕d6 24.♗d4! ♗fe8 25.♗ad1
♗cd8 26.♗g4+ ♗f8 27.♗g7 ♕:h2+
28.♗:h2 ♖c7+ 29.g3 ♗:d1 30.♗:h7, и
мат ладьей с поля h8.

Уроки, полученные мною от проигранных в этом турнире партий, оказались весьма полезными. В партии против Каро, также как и в других, я отчетливо увидел, что мои поражения объясняются неправильным ведением дебюта. Выяснилось, что «книжные знания» не слишком мне помогли. Каким-то образом мои противники выходили из дебюта с лучшим развитием, то есть с более мобильными фигурами, хотя я отлично знал, что в любом дебюте исключительно важно ввести фигуры в игру как можно быстрее. Такое нередко происходило на протяжении еще многих лет, пока я не научился выбирать правильный – из имеющихся нескольких естественных и развивающих – ход, позволяющий наилучшим образом наладить координацию фигур и пешек. Как этот вопрос, существенно более сложный, чем простой принцип быстрого развития, постепенно прояснялся для меня, будет показано с помощью приводимых ниже партий.

Иногда, разумеется, мне улыбалась Каисса, и я одерживал быстрые победы, поскольку мои противники выбирали не лучшие поля для своих фигур. Следующую партию я всегда вспоминаю с удовольствием. Она

Однако открытая вертикаль «а», которую получают белые после моего хода, оказывается для меня фатальной.

17.ab ♖c7. Не помогало 17...
♘d5 ввиду 18.♕:d5 ed 19.♗e1+.

18.b4 ♕e7 (или 18...♕b6 19.c4 и
20.c5) 19.♗:a7 ♗d8. Грозило 20.b6.

20.♕c6+! ♗f8. Теперь у меня
практически не хватает ладьи, и
вполне можно было сдаваться.
Продолжение игры в такого рода
позициях – чем многие шахма-
тисты грешат, считая это делом
принципа – шутники прозвали
«игрой в надежде на инфаркт».
Мой противник не оказал мне та-
кой любезности, и я рад, что аго-
ния не длилась долго.

21.♖c2 g6 22.♗:b7 ♖c8 23.
♗:d8+. Черные сдались, после 23...
♗:d8 24.♖d2 игра заканчивается.

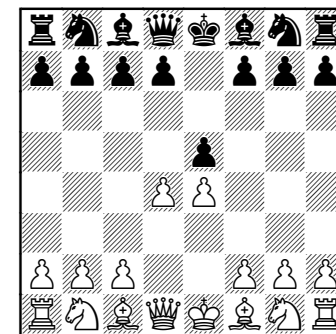
принесла мне звание «Академического чемпиона» Берлина, и, насколько я знаю, стала в наступившем новом веке первой турнирной партией, закончившейся знаменитым «спертым матом», открытым – предположительно – французским мастером Андрэ Филидором. Мой противник, студент медицины по фамилии Дюерссен, был, понятно, знаком с матовой позицией, являющейся одним из первых очарований каждого начинающего шахматиста. Но подход к комбинации оказался настолько завуалированным, что противник на нее попался!

Центральный дебют

Р. ДЮЕРССЕН – Эд. ЛАСКЕР

1.e4 e5 2.d4. Это начало, носящее название «Центральный дебют», казалось бы отчетливее других подчеркивает преимущество, которым наслаждаются белые от того, что они первыми делают ход; черные практически вынуждены взять пешку «d», тем самым сдавая «центр». В итоге белые берут под контроль два поля (d5 и e5) на территории черных, которые никакого контроля над соответствующими полями в лагере белых не получают.

Преимущество это станет вполне осязаемым, если белым удастся его удержать. И им это удастся, если черные удовлетворятся после 2...ed ходом d7-d6. Другое преимущество, извлекаемое белыми из пешечной структуры, характеризуемой нахождением их пешки на e4 и черных на d6, состоит в возможности использовать третий ряд для переброски ферзевой ладьи на королевский фланг, буде такое желание у белых возникнет, в то время как черные не могут обеспечить равный уровень мобильности для своей ферзевой ладьи.

По этим причинам черные должны сделать всё, что в их силах, чтобы провести d7-d5 как можно раньше. После того, как пешка «e» белых будет разменяна на пешку «d» черных, позиционное превосходство белых будет нейтрализовано.

В позиции на диаграмме черные могут защитить центральную пешку, если они хотят одновременно развиваться, только путем 2...♘c6. Продолжение 2...d6 3.de de 4.♖:d8+ ♗:d8 не обязательно должно окончиться их поражением, но им придется выдержать трудное сражение против многих угроз, которые белые обязательно создадут с помощью быстрого ввода в игру ладей после рокировки.

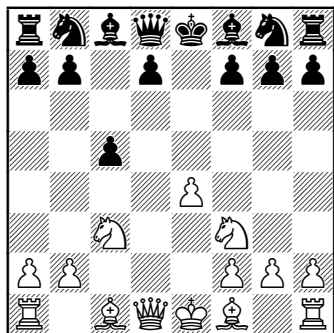
Ход 2...♘c6 иногда применяется в расчете на то, что белые по-

* Любопытно, что всё это соответствует первой линии компьютера. – Прим. ред.

пытаются слишком быстро преобрать контроль над центром в атаку на королевском фланге. Понятно, белые не играют 3.d5, ибо у черных тогда остается их центральная пешка и к тому же блокируется большая диагональ, по которой королевский слон мог бы проявить активность. Они продолжают 3.de ♘:e5 4.f4 и 5.♙e3, не давая слону черных занять поле c5.

Когда игралась эта партия, уже нельзя было и мечтать, что кто-нибудь продвинет свою пешку вперед, как было указано выше. Размен пешек 2...ed считался обязательным.

2...ed 3.♙:d4. Предпочтительнее, без сомнений, 3.♘f3, не выводя ферзя в центр доски, где его могут атаковать легкие фигуры противника. Против слабого игрока у хода конем есть дополнительное преимущество, – неискушенный соперник может соблазниться защищая пешку ходом 3...c5 и затем принять жертву пешки *a* ля Шотландский гамбит 4.c3 путем 4...dc. После 5.♘:c3 игра черных зависти не вызывает.

Их королевский слон блокируется собственной пешкой «с», пешка «d» не может продвинуться на d5, так как черные не могут защитить этот пункт столько раз, сколько нападений на него могут организовать белые. На d6 черная пешка станет объектом атаки со стороны ладьей белых и ферзевого слона, и очень вероятно, что белым удастся успешная ее осада с одновременным проникновением на 7-ю горизонталь (поле d7) ладьи, что парализует линию коммуникации между королевским и ферзевым флангами.

Ход в тексте очень нравился маэстро Жаку Мизесу, одержавшему с его помощью множество блестящих побед, но лишь потому, что его противники не понимали, насколько важно продвинуть пешку «d» на d5, а не на d6.

3...♘c6 4.♙e3. Предупреждая d7-d5, но это временный успех.

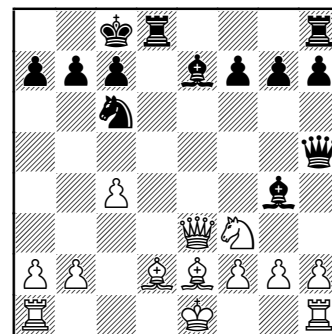
4...♘f6 5.♘c3. Продвижение 5.e5 рекомендовать нельзя, поскольку оно означает отказ от контроля над полями d5 и f5, а пешка на e5 будет подвержена атакам. После 5.e5 ♘g4 6.♙e4 черные могут пожертвовать пешку путем 6...d5! 7.ed+ ♙e6, и, ввиду большого перевеса в развитии, они могут рассчитывать на убийственную атаку. Также и 6.♙e2 не приводит к консолидации, ибо черные могут продолжать 6...d6! 7.h3 ♘g:e5 8.f4 ♘d4 9.♙e4 c5 10.fe d5 11.♙d3 ♙f5, и т.д.

5...♙e7! Идея – как можно быстрее подготовить d7-d5.

6.♙d2 d5! 7.ed ♘:d5 8.♘:d5 ♙:d5. Очевидно, что у черных позиция лучше. Они развили на одну фигуру больше, чем противник, их ферзь идеально расположен в центре, откуда он может атаковать пешку a2, заставляя белых терять еще один темп, прежде чем рокировать в длинную сторону или иным образом развивать ферзевую ладью.

9.♘f3 ♙g4 10.c4. Выгода от этого хода временна; хотя черный ферзь должен покинуть отличную стоянку, но в его распоряжении имеются и другие сильные пункты, с которых он может оказывать давление по диагоналям и вертикалям. А кроме того, рывок пешки «с» имеет и недостатки перманентного свойства: она может стать мишенью на новой открытой позиции, к тому же – ограничивает своего королевского слона.

10...♙h5 11.♙e2 0-0-0!

Белые вряд ли могут рокировать в короткую сторону, риск очень велик. Черные ответят 12...♙c5 с последующим ...♗he8. Поэтому белые хотят укрыть короля

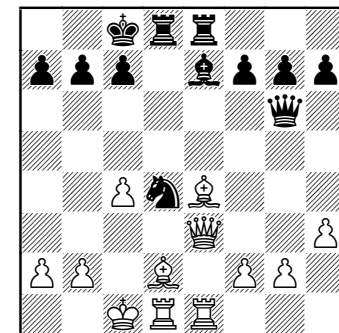
на ферзевом фланге, но из-за продвижения пешки на c4 король и здесь не может чувствовать себя в безопасности.

12.0-0-0 ♗he8 13.h3 ♙:f3 14.♙:f3 ♙g6 15.♗he1. На первый взгляд может показаться, что белые почти уравнили позицию, и что черные всего лишь закончили развитие на один ход раньше их. Черные не могут извлечь выгоду из раскрытой позиции белого ферзя: если слон отступит с поля e7, белые отдадут ферзя за две ладьи и получат отличные контршансы.

Но лишний темп, имеющийся в распоряжении черных, позволяет им получить сильную инициативу.

15...♘d4. Грозит мат. Серьезной ошибкой был бы ход 15...♘b4 ввиду 16.♙:b4 и ♙:e8.

16.♙e4. Практически вынужденно, поскольку нехорошо 16.♙c3 ввиду 16...♙b4! 17.♙g4+! f5 18.♙:b4 fg 19.♙c3 (или 19.♙a4) 19...♘e2+, выигрывая качество, а на 16.♙e4 следует 16...♙a6 (17.♙b1 f5).

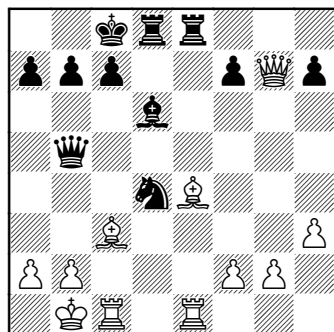

Ход в тексте теряет лишь пешку, что белых печалит не слишком сильно, так как для их ладьи открывается вертикаль «с».

16...♖a6 17.♔b1 ♕:c4 18.♖c1 ♕b5 19.♙c3 ♙c5 20.♖g3. Вариант 20.♙:d4 ♙:d4 обещал белым больше шансов на ничью ввиду разноцвета. Но белые, по-видимому, думали, что у них есть шансы на выигрыш. Последним ходом они создали угрозу 21.♙:d4 ♖:d4 22.♙f5+ с выигрышем по меньшей мере качества.

20...♙d6 21.♖:g7? Абсолютно просматривая мою угрозу. У белых не было ничего лучшего, чем 21.♖d3.

А теперь следует жертва, ведущая к повторению знаменитой комбинации Филидора:

21...♖:e4!! 22.♖:e4. Или 22.♙:d4 ♖d3+, выигрывая фигуру. Белые всё еще не понимают, что происходит. Они ожидали, по всей видимости, 22...♖d3+ и 23...♖:e4.

22...♖d3+ 23.♔a1 ♘c2+. Черные сдались ввиду мата в три хода: 24.♔b1 ♘a3+ 25.♔a1 ♖b1+ 26.♖:b1 ♘c2#.

ПЕРВЫЙ «ГАУПТТУРНИР»

В 1908 году Германская Шахматная Федерация проводила в Дюссельдорфе Международный Шахматный Конгресс. По предложению д-ра Тарраша первые четыре партии матча на первенство мира против Эмануила Ласкера были сыграны в рамках этого конгресса. Ласкер был *persona non grata* для Федерации. Он часто критиковал ее функционеров за недостаточность усилий в отношении подъема уровня силы германских мастерских турниров. Вместо того, чтобы ограничиться при включении в их состав только узким кругом сильнейших шахматистов, они понизили планку участия и принимали участников «местного разлива».

Шахматной Федерацией Германии руководили несколько человек, делавших великолепную работу по организации любительских турниров по всей стране, но не понимавших фундаментального различия между мастерскими шахматами и шахматами игроков среднего уровня, которые хотя и отличились на местном уровне, но не принадлежали к классу маэстро. Эти функционеры, собирая голоса по доверенности, добивались каждый год, чтобы их избирали вновь и вновь. Им в этом

удовольствию не отказывали, поскольку они ответственно выполняли организационную работу, к которой мастера не имели ни склонности, ни времени исполнять. Но, по мере разрастания Федерации, эти функционеры стали чувствовать себя всё более важными лицами, и, как это обычно бывает в ассоциациях, созданных для продвижения творческих проектов, у них стали вырабатываться диктаторские замашки в отношении мастеров. Поначалу мастера находили это обстоятельство более или менее забавным, но когда Федерация взяла на себя функцию судить о силе игроков и начала приглашать не-мастеров, которых она посчитала достаточно квалифицированными, не спрашивая мнения мастеров, последние просто откололись и стали создавать собственные турниры с финансовой помощью своих богатых шахматных друзей. В конечном итоге Федерация была вынуждена принять требования мастеров, чтобы вовсе не потерять поддержку шахматной общественности.

С того времени секция Мастеров на Германских Шахматных Конгрессах была открыта только для тех шахматистов, кто выиграл свои регалии в международных соревнованиях, и звание германского мастера присуждалось только одному игроку в год. А именно, очередному победителю так называемого «Гаупттурнира» (Главного турнира), в котором участвовать приглашались победители региональных турниров. Игрок, выигравший Гаупттурнир, автоматически получал право на участие в следующем году в турнире мастеров, даже если при этом приходилось исключать из предварительного списка известного мастера. Этот новый соискатель официально признавался Мастером, если набирал, по крайней мере, треть очков в своем первом мастерском турнире, после чего он получал право участвовать в последующих турнирах мастеров, если находилась вакансия.

По настоянию германских мастеров Федерация также согласилась приглашать на турниры иностранных маэстро. Такой подход резко увеличил интерес к шахматам среди публики.

После победы в академическом турнире меня пригласили в Дюссельдорф для участия в Гаупттурнире. Признаюсь, я с волнением ожидал первой возможности измерить силу своей игры в борьбе против группы международных соискателей мастерского звания.

Когда поездом я прибыл в Дюссельдорф вместе с другими берлинскими игроками, член турнирного комитета, приехавший встречать нас на станцию, сообщил, что считавшийся фаворитом Фрэнк Маршалл уже в городе и практикуется с молодым русским гимназистом, которого приняли в Гаупттурнир. Этот 15-летний юноша настолько силен, что дает Маршаллу пешку и ход, по крайней мере, в быстрых партиях. Единственный недостаток этого молодого человека в том, что он не умеет скрывать свои планы. У него светлые локоны, кото-

рые он постоянно крутит пальцами, и легко можно угадать, будет ли он атаковать на королевском фланге или на ферзевом, поскольку в первом случае он крутит локоны с правой стороны головы, а во втором – с левой.

Хотя мы понимали, что наш друг был не вполне серьезен, впечатлительные рассказы произвел, а когда вскоре мы сыграли с ним несколько легких партий, нам стало понятно, в какие шахматы играл юноша или почти мальчик, – он победил во всех. В то время имя его нам ничего не говорило. Но в следующие тридцать лет оно постоянно встречалось в газетных заголовках материалов, посвященных шахматам. Поскольку это был никто иной, как Александр Александрович Алехин!

Сигберт Тарраш

За день до моего приезда Эмануил Ласкер выиграл первую партию матча против Тарраша, а следующие три игрались во время проведения нашего турнира, поэтому у нас имелась возможность – между ходами – следить за исторической борьбой в матче на Мировое первенство. Я был единственным свидетелем того, как готовился Ласкер к этому матчу. За три месяца до его начала он уединился в домике в Грюнвальде, находившемся в лесу неподалеку от Берлина, чтобы отдохнуть и набрать физическую форму. Он не взял с собой ни шахматную до-

ску, ни шахматные книги или журналы, чтобы ничто не отвлекало его от созерцания природы и размышлений о философских и математических проблемах. Он попросил меня посещать его каждый день, чтобы сыграть партию в Го.

Тема шахмат ни разу возникала в наших разговорах вплоть до дня возвращения в Дюссельдорф, когда он мне сказал: «Ну, если завтра мне повезет и я по жребию получу белые в первой партии, применю-ка я разменный вариант в Испанской партии. Разве можно проиграть в этом дебюте?»

Всё так и случилось: по жребию он получил белый цвет в первой партии, разыграл разменный вариант и добился победы за счет стратегического мастерства в эндшпиле. Матч имел забавную прелюдию в Мюнхене, где жил Тарраш. Последний был не самой симпатичной личностью, никогда не скрывавшей огромного самомнения. Из-за раз-

ногласий, возникших при переговорах с Ласкером об условиях проведения матча, он даже перестал с ним разговаривать. Перед отъездом в Дюссельдорф он прокомментировал некоторые дебютные варианты в Шахматном клубе в присутствии нескольких друзей, пришедших пожелать ему удачи в матче. Им он заявил: «Я не буду разговаривать с этим человеком. Единственными словами, которые он от меня услышит, будут Шах и Мат!»

Но... предсказания – дело рискованное даже для гроссмейстера. Тарраш сдержал свое слово и даже отказался пожать руку Ласкеру перед началом матча. Что касается разговоров с Таррашем, Ласкер тоже ограничился этими двумя словами, но он их использовал чаще. Он одержал победу в матче со счетом 8:3 при пяти ничьих.

Когда я прибыл в Дюссельдорф, Ласкер произнес с улыбкой: «Всё прошло согласно плану. Но этот вариант я применять больше не буду». Пока шли первые туры нашего турнира, Ласкер время от времени покидал свой столик и подходил к моему, чтобы понаблюдать за партией, что служило мне до некоторой степени моральной поддержкой. И мне она была очень нужна, что показало течение турнира.

В начале я выступал неплохо, сделав ничью против фаворита Коэнляйна, чемпиона Баварии, который в итоге и вышел победителем, затем обыграл 17-летнюю «темную лошадку» по имени Виарда (он занял 2-е место). Но в пяти партиях с остальными призерами, а ими стали венгр Гайдош, чех Трчала, голландец Боде, австриец Бауэр и русский Алехин – я сделал всего лишь одну ничью. Последний разделил 4–5-е призы, я пришел седьмым.

Партия, проигранная мною Алехину, стала для меня большим уроком в связи с замечанием Ласкера, которое я помнил в течение всей своей шахматной карьеры. Когда я сдался и поднялся со стула, то заметил Эмануила Ласкера, стоявшего за моей спиной и наблюдавшего за партией. Он сказал: «Знаете, почему вы проиграли? Вы копировали ходы противника в симметричной позиции, в которой у него имелся лишний ход». Я ответил, что вовсе не копировал ходы Алехина, но получил ответ: «Просто переиграйте партию, и вы увидите, что я прав». И так оно и было на самом деле. Мне едва ли не стыдно приводить здесь эту партию, но поскольку это был первый международный турнир как для Алехина, так и для меня, она имеет некоторое историческое право быть включенной в эту автобиографическую главу.